1004987

1-й экз.

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ КАВКАЗА
НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета

Регистрационый № ПИ № ФС77-34059 от 28 октября 2008 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издается с 1995 г.

Периодичность 4 номера в год
№ 2 (82) 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА. ОБЩЕСТВО. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Мартишин Е.М. Стратегия реформирования в механизмах управления экономической эволюцией 5

Титаренко И.Н. Современное образование в «плавильном котле» глобализации 11

Павлов П.В. К проблеме истинности знания в философии науки 19

Богданова О.А. Поливариантность подходов к анализу проблемы секуляризации в теологической и научной литературе XX–XXI веков 23

Эмирбекова Э.Э. Специфика власти в пространстве личности: постсоветский период 30

Василенко Н.Я. Территориальное сообщество как объект социального управления 38

Клаус Н.Г., Свечкарев В.П., Васьков М.А. Проактивное управление в социологии: предметное поле и терминологическая специфика 42

Гришикян В.В. Урбоцентрические эффекты в контексте метрополизации (на примере Ростовской области) 48

Надолинская А.И. Англо-ирландский переговорный процесс 1980–1985 годов: путь к миру в Ольстере 53

НАРОДЫ КАВКАЗА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Маковская Д.В., Патеев Р.Ф. Исторические основания и политические аспекты цивилизационного регионализма 59

Цибенко В.В., Цибенко С.Н. Черкесские веб-ресурсы: структурные особенности, динамика развития, содержательные аспекты 64

Трапш Н.А. Олимпийский геополитический контекст (размышления о монографии Г.Н. Колбая «Сочинская олимпиада в глобальной политике». М.: Инфра-М, 2013. 560 с.) ... 69

Сергиенко Л.М. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в Ставропольском крае: проблема степени достоверности результатов 73

Гапуров Ш.А., Акаев В.Х., Черноус В.В. Кавказская политика России в начале XIX века: император и наместники 79

Федеральное государственное учреждение культуры "Государственная публичная историческая библиотека России"
№ 124284 20 г.

Ткаченко Д.С. Географические исследования окраин в формировании имперской идеологии XIX в.: попытка сравнительного анализа российского и британского опытов 88

Натаев С.А. К вопросу о генезисе чеченского тайпа 92

Адиев А.З. Национальные движения ногайцев на Северном Кавказе 99

Гасанов М.Р. Из истории торгово-экономических связей народов Кавказа (вторая половина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) 106

ЭКОЛОГИЯ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Булуктаев А.А., Сангаджиева Л.Х. Из опыта применения органических сорбционных материалов для рекультивации нефтезагрязненных почв 113

СТРАНИЧКА ГАЗЕТЫ "ДАР"

Черненко И.А. Приветствие царской особе, или Русская страница в творчестве Ф. Шиллера 119

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Борзова И.А., Лучкина Н.В. К вопросу о концепции обучения иностранных учащихся языку науки на предвузовском этапе 127

Лилюхин А.М. Содержательное расширение понятия "аддиктивное поведение" в социологии 133

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Мухина Н.Н. Восточные заимствования: детерминация процесса 138

ABSTRACT 145

3. Kazakov A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi sluzhbe: voevody i ofitsery. Seredina 16 – nachalo 20 veka* [Circassians in the Russian service of the magistrates and officers. Middle of the 16th – the beginning of the 20th century]. Nalchik, "El'-Fa", 2006, 380 p.
4. Tsyganok A.D. *Voina na Kavkaze 2008. Russkii vzglyad* [The war in the Caucasus, 2008. Russian look]. Moscow, "AIRO – XXI", 2013, 352 p.
5. Kolbaya G.N. Sochinskaya olimpiada v global'noi politike [Sochi Olympics in global politics]. Moscow, INFRA-M, 2013, 560 p.
6. Tsereteli G.E. *Kur'er. Droeba*,1873, no. 399, pp. 3–5.
7. Kolosov V.A. *"Naučnaâ mysl' Kavkaza*, 2014, no. 1, pp. 118–122.
8. Tsibenko S.N. *Naučnaâ mysl' Kavkaza*, 2014, no. 1, pp. 103–113.
9. Urushadze A.T. *Naučnaâ mysl' Kavkaza*, 2014, no. 4, pp. 100–110.
10. Kvitsiani Dzh.Dzh. *Naučnaâ mysl' Kavkaza*, 2015, no. 1, pp. 81–85.

Статья подготовлена в рамках НИР по теме "Факторы и механизмы дестабилизации ситуации на Северном Кавказе: механизм, национализм и регионализм" (проектная часть государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности № 30.1577.2014К).

15 мая 2015 г.

УДК 9; 908

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 И 1939 ГГ. В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМА СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ

Л.М. Сергиенко

Научное изучение социально-демографического развития, как в масштабе страны в целом, так и в отдельных регионах, всегда занимало важное место в гуманитарных науках. Переход от естественного прироста к естественной убыли населения, структурная переориентация миграционных потоков, изменение соотношения между городским и сельским населением, а также этнического, семейного, возрастного и полового состава нуждаются в дальнейшем глубоком и всестороннем изучении. Актуальность данной темы в значительной степени обусловлена появившейся с 1990-х гг. возможностью для исследователей открытой работы с архивными данными, статистическими источниками, освещающими важные аспекты жизни и деятельности советских людей. В этой связи особенно важным, наряду с другими источниками, становится анализ материалов Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., а также определение их достоверности по Ставропольскому краю.*

Основной целью данного исследования является создание характеристики основных демографических процессов и тенденций в Ставропольском крае в конце 30-х гг. XX в. на основании анализа данных Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., а также определение степени достоверности переписных материалов в отношении объективного отображения специфики демографического развития населения края в контексте общероссийских тенденций 1937–1939 гг. Именно материалы переписей позволяют восстановить демографическую картину обозначенного пе-

* С 16 октября 1924 край имел название Северо-Кавказский край, с 17 марта 1937 – Орджоникидзевский край, с 12 января 1943 – Ставропольский край (в дальнейшем в данном исследовании – Ставропольский край).

Сергиенко Людмила Михайловна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета, старший преподаватель кафедра истории, права и общественных дисциплин Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, 357600 г. Ессентуки, ул. Долина Роз 7, e-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru, т. 8(87934)27071.

Ludmila Sergienko – Pyatigorsk State Linguistic University; Branch Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki, 7 Dolina Rose Street, Essentuki, 357600, e-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru, tel. +7(87934)27071.

риода, а также определить степень влияния внутренней политики государства в 30-е гг. на население страны в целом и её отдельных регионов, в частности на Ставрополье. Данное исследование проведено на основе архивных материалов, содержащихся в Государственном архиве Российской Федерации, а также в Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края.

В отечественной историографии демографические процессы и социально-экономическое положение населения регионов страны накануне Великой Отечественной войны до сих пор остается малоизученной проблемой. Причиной тому, как уже упоминалось выше, явилась недоступность в течение длительного периода материалов переписей населения. Поэтому существенно повысить научный уровень разработки проблем демографической истории регионов страны в конце 30 гг. представляется актуальной задачей.

Достаточно подробную и глубокую оценку материалов переписи 1937 г. дали В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев и Ю.А. Поляков [1]. В их работе "Полвека под грифом "секретно": Всесоюзная перепись населения 1937 года" содержатся статистические данные по численность населения Ставропольского края в 1937 г., а также численность городского и сельского населения края, численность населения по полу и национальности. Позднее В.Б. Жиромская опубликовала работу, посвященную всему периоду 1930-х годов. Она раскрыла механизм приписок к данным переписи 1939 г., уточнила численность населения РСФСР, ее автономий и областей [2]. В названных работах, в частности, указаны основные цифровые показатели приписок к численности населения многих регионов страны. Однако в целом анализа материалов переписей населения 1937 и 1939 гг. на региональном уровне по Ставропольскому краю ещё не проводилось.

На важность таких источников, как переписи населения, в процессе восстановления региональной демографической истории 30-х годов указывали и такие исследователи как В.А. Журавлёва и С.И. Сивцева. В частности, в своей статье "Грамотность городского населения Урала (по данным переписей 1920, 1926 и 1939 годов)", В.А. Журавлёва обоснованно оценивает переписи населения как объективный источник, позволяющий получить разнообразную информацию о жителях государства на определённый момент времени, а также проследить динамику изменения демографических характеристик общества за период между переписями [3].

С.И. Сивцева в публикации "Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в Якутии" обосновала значимость переписей населения в изучении национального, половозрастного состава, а также естественного и механического прироста населения регионов в советский период отечественной истории [4].

В научной литературе перепись населения 1937 г. часто называют "репрессированной" переписью, так как большинство ее материалов было уничтожено, а статистики, руководившие сбором и анализом данных, – репрессированы. Это произошло из-за несоответствия прогнозов переписи, заявленных на самом высоком уровне, и реальных её показателей. Выявились негативные демографические последствия жестокого голода 1932 – 1933 гг., репрессий, переселения раскулаченных, а также собственно "сталинских пятилеток", создавших обстановку, сложную для естественного воспроизводства населения [5]. Итоги переписи были объявлены не соответствующими действительности, умаляющими достижения социализма. В связи с этим руководством страны было принято решение провести перепись повторно в 1939 г. Новая перепись должна была показать всему миру возросшее качество жизни человека социалистической страны. Над материалами переписи населения 1939 г. очень тщательно трудились статистики и работники Народного Комиссариата внутренних дел, чтобы не повторить "ошибок" переписи 1937 г. Поэтому Всесоюзную перепись 1939 г. в исторической литературе называют "сфальсифицированной". Обнаруженные исследователями приписки и поправки являются доказательством такой оценки этого документа. Для того чтобы достоверно осветить картину демографических процессов накануне Великой Отечественной войны, материалы переписей населения 1937 и 1939 годов следует рассматривать во взаимосвязи.

Что касается данных Всесоюзной переписи населения 1937 г., то мнение ученых единодушно: перепись проведена с высокой точностью учета населения. Она, как известно, зафиксировала 162 млн жителей СССР, в том числе 77,7 млн мужчин и 84,3 млн женщин [2, с. 27].

Всесоюзная перепись населения 1937 года официальными органами власти была признана дефектной. Об этом красноречиво свидетельствует Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 25 сентября 1937 года: "Враги народа, пробравшиеся в руководство ЦУНХУ, немало сделали для того, чтобы сорвать проведение подготовительных работ к переписи 1937 г. Их действия были направлены в первую очередь на недоучёт населения при переписи" [6, л. 26].

Такое решение советского правительства было обусловлено тем, что в процессе проведения Всесоюзной переписи 1937 г. была выявлена откровенная убыль населения страны. После открытия архивов в 1989 г. целый ряд исследователей определили численность потерь населения СССР за 30-е годы. Так, британские историки Уиткфорт и Девис считают, что за период с 1931 по 1933 гг. жертвы составили 5,5 – 6,5 млн чел. Отечественные историки указывают другие цифры. В частности, И.А. Исупов – 8–9 млн чел. за период 1927–1937 годы, Е.В. Цаплин – 6,6 млн чел. за период 1927–1936 годы [см. 2, с. 115].

Полученные с мест данные о численности населения, особенно с Украины, Северного Кавказа и ряда других краев и областей, свидетельствовали о явных нарушениях внутренних процессов, препятствовавших нормальному развитию общества. В частности, в Северо-Кавказском крае за 10 лет, прошедших после переписи 1926 г., население не только не выросло, но сократилось. Если в 1926 г. на территории края (в границах 1937 г., включая Карачаевскую и Черкесскую автономные области) проживали 1 704 942 чел., то согласно предварительным итогам переписи 1937 г. численность населения насчитывала 1 635 277 чел., т.е. 95,9 % от количества населения 1926 г. В большой степени политические и экономические катаклизмы отразились на численности мужской части населения. Количество жителей мужчин в крае за десятилетие сократилось на 6,1 %. Это вполне закономерно, так как расстреливали и заключали в концентрационные и исправительно-трудовые лагеря, прежде всего, мужчин. Среди переселенцев и умерших от голода также преобладали представители мужского населения. Численность женщин уменьшилась на 2,3 % [1, с. 35].

О демографической катастрофе в крае красноречиво свидетельствуют архивные материалы. В частности, в докладной записке начальника краевого управления народно-хозяйственного учёта Тараханова на имя секретаря крайкома ВКП (б) Тараненко, датируемой 25 января 1940 г., сообщается следующее: "Подтверждая все ранее сообщённые в крайздравотдел цифры о рождаемости, обращаю Ваше внимание на то, что рождаемость населения в 1938 году по сравнению с 1937 годом снизилась на 6,8 %" [7].

В связи с вышесказанным, важным демографическим показателем является возрастная структура населения. При анализе общесоюзных данных о возрастном составе сельского населения в 1937 г. обращает на себя внимание незначительная численность детей трехлетнего возраста, по сравнению с количеством детей других возрастов. Это дети, рожденные в 1933 г., во время голода. По данным переписи видно также уменьшение численности детей, начиная с пятилетнего возраста, т.е. рожденных с 1931 г., что говорит о сильном падении рождаемости и увеличении смертности населения в тот период. Если принять количество шестилетних детей за 100 %, то пятилетних детей по отношению к ним было 90,1 %, четырехлетних – 76,1; трехлетних – 66,6 %. С 1934 г. рождаемость увеличилась, а, главное, уменьшилась младенческая смертность, и количество детей двух лет по отношению к шестилетним в 1937 г. составило 71,8 % [1, с. 64].

В этот период (с 1934 года) значительно выросла доля городского Населения и сократилась доля сельского. В 1937 г. по Ставропольскому краю, без учета населения Карачаевской и Черкесской автономных областей, горожане составили 157,74 % по отношению к численности городского населения в 1926 г. (по РСФСР эта цифра составила 208,7 % без переписанных в особом порядке, по СССР – 196,8 % без переписанных в особом порядке и 197,4 %, включая РККА и погранохрану НКВД). Сельское население в 1937 г. по отношению к 1926 г. составило 79,45 % (по РСФСР 90,8 % без переписанных в особом порядке, все сельское население по СССР – 91,2 %) [8, с. 104].

Однако по итогам Всесоюзной переписи 1937 г. В.Б. Жиромская, И.И. Киселёв и Ю.А. Поляков Ставропольский край относят к так называемой пятой группе областей: "... области в основном сельскохозяйственные с неблагоприятными показателями естествен-

ного движения населения и относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов" [1, с. 11].

Ценным источником тех лет являются также и материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. Это была третья Всесоюзная перепись после переписей 17 декабря 1926 г. и 6 января 1937 г. Решение о её проведении было принято СНК СССР 26 февраля 1938 г., и в соответствующем постановлении очередная Всесоюзная перепись была назначена на 17 января 1939 г. [6, л. 27].

Полностью материалы Всесоюзной переписи 1939 г. были опубликованы только в 1992 г. Издание состоит из трёх частей. В первой содержатся данные о численности и составе населения СССР, союзных и автономных республик по возрасту, грамотности, числу учащихся, образованию, национальности, родному языку, состоянию в браке, семейному положению. Во второй части – состав населения страны по общественным группам, источнику средств существования, занятиям, распределению по отраслям народного хозяйства и производствам. В третьей – распределение кадров союзных и автономных республик по полу и национальности [9, с. 2].

Обширность территории СССР, разнообразие природных условий и многочисленное население требовали высокого уровня организационной работы при подготовке и проведении переписи. Как в масштабах всей страны, так и на территории Ставропольского края, были реализованы мероприятия по её подготовке и проведению. Об этом свидетельствуют многочисленные источники, подтверждающие осуществление на территории края мероприятий в рамках общесоюзных этапов подготовки и проведения переписи, а также многочисленные документы партийных, советских и хозяйственных органов края. В частности, краевым Управлением народнохозяйственного учёта (УНХУ) был разработан и представлен в Центральное управление народного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР организационный план проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. по Ставропольскому краю. Он содержал в себе конкретные мероприятия с фиксированными датами: 1) в период с 24 сентября по 10 октября 1938 г. по краю должен был быть проведён единый партийный день "Всесоюзная перепись населения и задачи парторганизаций"; 2) 5–10 января 1939 г. должно было состояться обращение краевого комитета ВКП (б) и краевого исполкома к населению края о предстоящей переписи населения; 3) в декабре 1938 г. по всему Ставропольскому краю предписывалось провести собрания граждан по организациям и учреждениям для ознакомления с задачами, программой и порядком проведения переписи [10, л. 20–30].

О серьёзности вопроса подготовки проведения переписи в крае свидетельствует Контрольная записка № 19 о выполнении решения бюро Ставропольского крайкома ВКП(б) от 23 июля 1938 г.: "О состоянии подготовительных работ к Всесоюзной переписи населения". В постановляющей его части краевое Управление народно-хозяйственного учёта должно было к 1 августа 1938 г. провести проверку списков населённых мест и домовладений, а также весь картографический материал по краю [11, л. 12].

ЦУНХУ СССР постоянно контролировал процесс подготовки по проведению переписи населения на местах. В частности, в докладной справке от 22 мая 1938 г. Бюро переписи населения РСФСР докладывало, что по Ставропольскому краю подготовительные работы к проведению Всесоюзной переписи выполнены на 83,5 %, однако не закончена проверка населения по спискам населённых мест – она выполнена лишь на 79,6 % [6, л. 28].

Составление списков в сельских населённых пунктах и списков домовладений в городских поселениях, а также карт районов сельсоветов и планов городских поселений для разбивки всей территории на переписные участки было первым этапом подготовки к проведению переписи. В Ставропольском крае эта работа начала проводиться с лета 1938 г., о чём сообщалось в докладной записке от 4 октября 1938 г. заведующего общим отделом крайисполкома Морозова в крайком ВКП(б): "В соответствии с решением бюро краевого комитета ВКП(б) от 23.07.1938 г. Президиум краевого исполнительного комитета своим решением от 5.08.1938 г. дал указание всем областным и городским исполнительным комитетам по вопросу организации сплошной проверки правильности заполнения похозяйственных книг. Одновременно своим решением обязал в целях наилучшей подготовки к предстоящей переписи населения организовать Комиссию содействия при каждом совете из числа представителей общественных организаций и привлечения

широкого советского актива к этой работе. Основной задачей Комиссии поставлена проверка полноты и правильности составления списков населённых мест, похозяйственных книг, списков домовладений и домовых книг, и ряд других практических указаний, связанных с подготовкой к предстоящей переписи населения 1939 года" [11, л. 15].

Активное проведение в крае подготовительных работ к переписи населения летом 1938 г. подтверждает и докладная записка заместителя начальника краевого НХУ Червочкина от 20.11.1938 г. в крайком ВКП (б): "Сообщаю, что в части проверки списков населённых мест и домовладений работа полностью закончена была к 1-му августа сего года. Составление и проверка картографического материала по всем районам и городским поселениям производилась одновременно с проверкой списков населённых мест и списков домовладений" [11, л. 13].

В указанный в документе период не были составлены лишь схематические карты в двух сельсоветах Преградненского района Карачаевской автономной области, ввиду того, что границы вновь образованных сельских советов этого района ещё окончательно не были установлены в 1938 г. На основе проведённой работы по составлению специальной проверки и последующих уточнений списков населённых мест и домовладений, а также картографического материала к 22 сентября 1938 года в крае были разработаны детальные планы переписного районирования по каждому району, городу и городским и рабочим посёлкам. В связи с возможными изменениями в численности населённых мест и домовладений за время, прошедшее от момента составления списков населённых мест и домовладений до начала переписи населения в декабре 1938 года, краевым Управлением народно-хозяйственного учёта была организована вторичная проверка списков населённых мест и домовладений, а также уточнение переписного районирования" [11, л. 13].

В отдел переписи населения ЦУНХУ Госплана СССР краевым УНХУ были представлены следующие данные по численности населения по спискам домовладений в городах и рабочих посёлках Ставропольского края: Ворошиловск* – 71 066 чел.; Пятигорск – 56 386; Кисловодск – 41 028; Ессентуки – 12 670; Железноводск – 6 374; Минеральные Воды – 27 825; Будённовск – 19 492; Георгиевск – 21 171; Моздок – 20 418; Кизляр – 16 342; Микоян-Шахар** – 4 871; итого по краю – 332 519 человек [10, л. 55].

Организация Всесоюзной переписи населения 1939 г. была очень тщательно подготовлена: каждый человек переписывался лично и лишь в исключительных случаях сведения о нём собирались у родственников и соседей, а затем проверялись по домовым книгам. В переписи 1939 г., в отличие от предыдущих переписей, впервые было учтено как наличное население с выделением временно проживающих, так и постоянное с выделением временно отсутствующих.

Однако целый ряд исследователей отмечают факт фальсификации в переписи 1939 г. численности городского населения. В частности, этот вопрос поднимался В. Б. Жиромской в работе "Всесоюзная перепись населения 1939 года: история проведения, оценка достоверности". В ней отмечаются факты прямого административного вмешательства на всех этапах проведения переписи со стороны В.М. Молотова, которому было поручено курировать данное мероприятие [12, с. 6].

Сфальсифицированными результаты переписи в угоду властям считает и В.В. Цаплин в своём исследовании "Статистика жертв сталинизма в 30-е годы" [13, с. 180]. Несмотря на эти факты и оценки, большинство исследователей едины во мнении, что богатейшие материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. должны быть введены в научный оборот.

На территории Ставропольского края, также как и по всей стране, активно проводились все мероприятия в рамках осуществляемой переписи. Её материалы действительно являются "точкой отсчёта" демографической динамики в крае, особенно учитывая тот факт, что 2 августа 1942 г. Ставропольский край был оккупирован немецко-фашистским войсками. Следовательно, край понёс значительно большие потери населения, чем те территории и регионы страны, которые находились вне зоны оккупации.

Данные переписи населения 1939 г. по некоторым округам и районам Ставропольского края выборочно содержали следующие цифры: Кизлярский округ – 155 259 чел.; г. Кизляр – 24 092; Шелковской район –

* С 1943 г. – Ставрополь.

** С 1944 г. – Карачаевск.

29 824; Левокумский район – 27 625; Наурский район – 32 259; Арзгирский район – 34 118 чел. [14].

Возрастной и количественный состав населения Ставропольского края, согласно переписи 1939 г., выглядел следующим образом:

Таблица

Население Ставропольского края по данным Всесоюзной переписи 1939 г. [9, с. 23]

Возраст, лет	Численность, чел.	Проценты
До 7	358 953	18,4
8–11	204 479	10,5
12–14	166 74	8,5
15–19	157 701	8,1
20–29	349 891	17,9
30–39	308 676	15,8
40–49	180 804	9,3
50–59	115 090	5,9
60 лет и старше	108 907	5,6
Итого по краю:	1950 887	100

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о довольно "молодом" составе населения края, так как в процентном соотношении люди пенсионного и пожилого возраста составили всего лишь 5,6 %. В то же время совокупный процент возрастной группы 15–39 лет составил 41,8 %. Эта цифра представляет интерес тем, что к 22 июня 1941 г. именно эти возрастные группы явились призывными.

Интерес для исследователей представляет и цифра общей численности населения Ставропольского края – 1 950 887 человек. Она позволяет более скрупулёзно определить потери населения края в ходе Великой Отечественной войны. Также в переписи 1939 г., согласно её условиям, были учтены временно проживающие в крае и временно отсутствующие граждане. В частности, временно проживающих граждан насчитывалось 437 человек; временно отсутствующих – 106 человек. Перепись 1939 г. отображала также численность городского и сельского населения края. Согласно её данным, городское население составляло 394 313 человек, сельское – составляло 1 556 574 человека [9, с. 23]. Необходимо отметить, что именно показатели соотношения городского и сельского населения в переписи 1939 г. считаются многими исследователями (В.Б. Жиромская, И.Н. Киселёв) завышенными в пользу городского населения, так как они должны были "отобразить" результаты индустриализации страны [2, с. 30].

Тем не менее, при всех издержках достоверности статистических данных Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 годов по Ставропольскому краю, эти материалы следует указать, что именно эти материалы являются ценнейшим источником, который отображает направленность и характер демографических процессов в СССР в целом, и в Ставропольском крае, в частности, в конце 30-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом "секретно": Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. 152 с.
2. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 278 с.
3. *Журавлёва В.А.* Грамотность городского населения Урала (по данным переписей 1920, 1926 и 1939 годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40): В 2 ч. Ч. I. С. 67–70.
4. *Сивцева С.И.* Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в Якутии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 30–33.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: Сб. документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с. С. 32.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А. 324. Оп. 24. Д. 63.
7. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 685. Л. 3.
8. Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в.: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 296 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. М.: Наука, 1992. 208 с.
10. ГАРФ. Ф. А. 324. Оп. 24. Д. 34. Л. 20–30.
11. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 396.
12. *Жиромская В.Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 года: история проведения, оценка достоверности // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 24–45.
13. *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 178–194.
14. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 585. Л. 1–15.

REFERENCES

1. Zhiromskaya V.B., Kiselev I.N., Polyakov Yu.A. *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.* [Polyakov Half a century

of "classified": census of 1937]. Moscow, Nauka, 1996, 152 p.
2. Zhiromskaya V.B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg.: vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s.: gaze into the unknown]. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2001, 278 p.
3. Zhuravleva V.A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 2 (40), Ch. 1. pp. 67–70.
4. Sivtseva S.I. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 4, pp. 30–33.
5. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.: obshchie itogi: sb. dokumentov i materialov* [The census of 1937.: totals: Sat. documents and materials]. Moscow, ROSSPEN, 2007, 320 p.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation], F. A. 324, Op. 24, D. 63.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory], F.1, Op.1, D. 685, L. 3.
8. Bulgakova N.I. *Sel'skoe naselenie Stavropol'ya vo vtoroy polovine 20-kh – nachale 30-kh gg. 20 v.: izmeneniya v demograficheskom, khozyaystvennom i kul'turnom oblike* [The rural population of Stavropol during the second half of the 20's – early 30-ies in the 20th century: changes in the demographic, economic and cultural face. Dissertation for the degree of Candidate of History]. Stavropol, 2003, 295 p.
9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda* [The census of 1939]. Moscow, Nauka, 1992, 207 p.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation], F. A. 324, Op. 24, D. 34, L. 20–30.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory], F.1, Op.1, D. 396.
12. Zhiromskaya V.B. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: istoriya provedeniya, otsenka dostovernosti [Census of 1939: history of, evaluation of the reliability]. In: *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost', poteri, migratsii* [The Russian population in 1920–1950-ies: population losses and migration]. Moscow, Institute of Russian History RAS, 1994, pp. 24–45.
13. Tsaplin V.V. *Voprosy istorii*, 1989, no. 4, pp. 178–194.
14. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory], F.1, Op. 1, D. 585, L. 1–15.

3 апреля 2015 г.

УДК 94(47).08

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: ИМПЕРАТОР И НАМЕСТНИКИ

Ш.А. Гапуров, В.Х. Акаев, В.В. Черноус

К началу XIX в. основные политии этносоциумов Северного Кавказа "считались уже в российском подданстве, что было закреплено в ряде международных договоров" [1]. Добиться этого Российской империи удалось не столько благодаря военным операциям, сколько преимущественно мирными (экономическими и политическими) средствами.

В начале XIX в. происходит резкая активизация кавказской политики России. Россия в силу национальных, геополитических

Гапуров Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор, президент Академии наук Чеченской Республики, 364024, г. Грозный, пр. М. Эсамбаева, 13, e-mail: academy_chr@mail.ru, т. 8(8712)222676;

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор Комплексного научно-исследовательского института РАН, г. Грозный, пр. им. М. Эсамбаева, 13, e-mail: akaev@mail.ru, т. 8(8712)222676;

Черноус Виктор Владимирович – кандидат политических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, e-mail: kavkazdon@mail.ru, т. 8(863)2643466.

Shakhrudin Gapurov – Chechen Academy of Sciences, 13, Esembaev Avenue, Grozny, e-mail: academy_chr@mail.ru, tel. +7(8712)222676;

Vahit Akaev – the Complex Scientific Research Institute of Russian Academy of Sciences, Chechen Academy of Sciences, 13, Prospect of M. Esambaev, Grozny, e-mail: akaev@mail.ru, tel. +7(8712)222676;

Viktor Chernous – Southern Federal University, the Russian Institute for Strategic Studies, 160, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: kavkazdon@mail.ru, tel. +7(863)2643466.